

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию

Крыловой Елены Николаевны

«Деятельность Министерства внутренних дел по формированию
общественного мнения о власти в России в конце XIX – начале XX вв.»

на соискание ученой степени доктора исторических наук

по специальности 5.6.1 – Отечественная история

Диссертационная работа Елены Николаевны Крыловой посвящена процессам формирования положительного образа самодержавной власти посредством официальной и официозной периодической печати, созданной или патронируемой министерством внутренних дел, в конце XIX – начале XX века. К данной теме последний раз десять лет назад масштабно обращалась Н.Г. Патрушева в докторской диссертации «Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX–начале XX века», в которой управление общественным мнением и формирование его показано сквозь призму деятельности цензурного ведомства – Главного управления по делам печати. В диссертации же Елены Николаевны деятельность МВД рассмотрена не только с точки зрения контроля за общественным мнением, но и с точки зрения его формирования, наличия элементов пропагандистской стратегии (правда, в целом, безрезультатных), ранее связываемых преимущественно с советским периодом, затронуты сюжеты, связанные с системой распространения правительственных изданий.

В обосновании актуальности исследования автор исходит из возрастающего интереса к истории государственной коммуникации, вопросам легитимности власти и взаимодействия государства с обществом, включая работу с медиапространством, управлением, так называемой «политической повесткой» и формированием образа власти. Исследование открывает возможность сравнительного анализа с современными институтами воздействия на массовое сознание – от пресс-служб до государственных медиа, позволяет проследить возможные исторические истоки современных практик информационного влияния, государственной пропаганды и формирования общественного мнения.

В объекте исследования упоминается о частных изданиях, которые находились под контролем государства – в этом случае такие издания могут носить названия официозных и полуофициозных. Возможно, было бы необходимо упомянуть здесь в каких формах осуществлялся этот контроль – административных, финансовых, кадровых, формах личностных коммуникаций или иных.

Предмет исследования ограничен деятельностью Главного управления по делам печати (далее – ГУДП) МВД. Отметим, что в последующем тексте работы не всегда прослеживаются процессы взаимодействия этого ведомства с другими институтами, ответственными за информационное пространство (например,

министерством народного просвещения, генерал-губернаторами и губернаторами, губернскими жандармскими управлениями).

В формировании задач исследования удивляет их обилие, даже для докторской диссертации – их 13. Такое дробление представляется несоразмерным. Многие из задач возможно было бы объединить. Например, задача 4 (анализ столичных СМИ) частично пересекается с задачами 5 (частные издания) и 6 (правительственные издания); задача 8 (структура Главного управления по делам печати) и 10 (деятельность Осведомительного бюро) относятся к одному институту; задача 9 (газета «Русское государство») является частным случаем задачи 6 (правительственные издания МВД). В задаче 11 говорится, что она выполнена на основе изучения архивных материалов, но это в равной степени можно применить ко всем задачам научной работы. Задача 13 выглядит избыточной, поскольку выводы и рекомендации – обязательный структурный элемент любого диссертационного исследования.

Формулировка хронологических рамок исследования в целом логична и исторически обоснована. Однако основной период исследования определен как – 1900-1914 годы и к концу XIX века относится только 1900 год, хотя обычно этот период определяется как 1880-е–1890-х гг.

Территориальные рамки, главным образом, представлены Санкт-Петербургом и Москвой – центрами общественно-политической жизни, однако за пределами работы остался вопрос о прессе провинциальных городов, хотя бы европейской части России (это возможно было бы сделать в опоре на имеющиеся исследования), чтобы показать каким образом распоряжения ГУДП выполнялись на местах и как происходила координация деятельности и содержания центральных правительственных изданий и местных официальных (например, губернских и областных ведомостей) и официозных изданий.

В разделе Введение о научной новизне исследования говорится, что «деятельность Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел по формированию общественного мнения о верховной власти впервые исследуется в качестве самостоятельного объекта исследования», однако в историографическом разделе упоминаются работы Н.Г. Патрушевой, В.Ф. Блохина, Э.В. Летенкова, А.В. Лихоманова, В.В. Воробьева, которые тоже обращались к данной теме.

Научная новизна исследования заключается прежде всего в детализации и конкретизации механизмов работы ГУДП, специальном рассмотрении целенаправленных, хотя и неудавшихся попыток власти сформировать положительное общественное мнение о себе, что ранее не было главным предметом исследований. Безусловным достоинством работы является введение в научный оборот и анализ новых исторических источников, включая, факты о коррупции в Осведомительном бюро.

Применение современного понятия «связи с общественностью» к деятельности ГУДП выглядит эффектно как терминологическое новаторство, но

требует дальнейшего концептуального и критического осмысления по поводу того насколько правомерна такая историческая ретроспекция. Была ли деятельность ГУДП именно PR, или ее содержание было представлено цензурой, информационным контролем, пропагандой, что изучалось в специализированных и общих работах по истории дореволюционной печати и ранее.

Некоторые сомнения вызывает заявленный автором «комплексный подход», поскольку изучались, главным образом, столичные издания, которые хотя и задавали основное направление формирования положительного общественного мнения о власти, но не исчерпывали собой всех изданий общеимперского информационного пространства.

Спорен тезис об «изучении двусторонней модели коммуникации и взаимодействия власти (центральных государственных учреждений) и общества (средств массовой информации), поскольку архивные документы ГУДП не содержат достаточно сведений о реальном восприятии правительственных газет и их содержания обществом, его различными группами.

Вывод о провале политике ГУДП по формированию положительного общественного мнения о верховной власти как проявление системного кризиса сам по себе не обладает научной новизной, это скорее подтверждение на конкретном историческом материале уже имеющегося в историографии представления о кризисе самодержавия и росте оппозиционных настроений в начале XX века. Когда, у власти объективно серьезные проблемы, никакие «фокусы языка» как лингвистические формулы и риторические приемы уже не в состоянии укрепить к ней доверие со стороны общества.

Относительно теоретической значимости исследования следует отметить, что практики формирования общественного мнения и управления им в начале XX века, в эпоху газетного слова, и в начале XXI века, в эпоху цифровых технологий, количественно и качественно различны, поэтому «помощь в информационных войнах» положения и выводы исследования вряд ли могут оказать (в особенности с учетом их провального характера). В теоретическом и аналитическом плане работа безусловно выиграла бы при обращении к теории медиократии Никласа Лумана, концепции «публичной сферы» Юргена Хабермаса, исследований о государственной пропаганде Эдварда Бернейса и Гарольда Лассуэлла.

Раздел о практической значимости работы выдает в авторе специалиста хорошо знакомого с современными подходами к общественным коммуникациям, политтехнологиями и PR, демонстрируя междисциплинарный подход, дополняя знаниями из этих областей текст об историческом прошлом. Видимо, по этой причине некоторые формулировки звучат слишком современно («реагировать на негатив», «использовать каналы обратной связи», «иметь разработанную стратегию», «лидеры мнений») и могут вызвать вопрос об их применимости в дореволюционном историческом контексте

В положениях выносимых на защиту подтверждена ключевая роль газет как основного средства массовой информации эпохи (положение 1; хотя, в принципе, это положение никогда не вызывало сомнений или возражений);

установлена связь между увеличением количества периодических изданий и реорганизаций ГУДП (положение 2), но утверждение, что реформы «не успевали за потребностями» не объяснено, хотя в тексте об этом сообщается (ограничение по бюджету, кадровые проблемы, общий консерватизм правящих кругов николаевского царствования);

показано, что до революционных потрясений 1905 года, повлекших за собой информационный антиправительственный взрыв, ГУДП сосредотачивало свою деятельность, главным образом, на цензурном контроле, который преодолевался посредством подставных благонадежных редакторов или «реинкарнацией» прежних изданий под новым названием (положение 3);

доказано, что на ежедневной основе в столице выходило 5 % изданий и 50 % изданий было аполитично (положение 4), в исследовательском смысле было бы интересно показать каким образом изменилась ситуация в ходе первой русской революции и принимался ли во внимание аполитичный характер половины изданий при выстраивании ГУДП своей «информационной политики»;

определен вклад либеральных изданий в формирование критического отношения к самодержавной власти, их стремление к участие в общественно-политической жизни страны (положение 5), а также тенденция к «постепенной дискредитации власти» (с какого времени и с какой интенсивностью?).

показан дотационный и малоэффективный характер правительственных СМИ, в сравнении с частными либеральными изданиями (положение 6). Это положение возможно было бы развить посредством того, что власти всегда действовали «вторым номером» и «играли от обороны», нежели упреждали своих информационных противников и формировали собственную «повестку». Как писал по этому поводу историк и дипломат С.С. Татищев «влиять на общественное мнение чрез печать у нас в России – это искусство, требующее опыта, знания, умственных дарований, творчества и большого такта. Вот почему мысль эта туго или вовсе не прививается в наших бюрократических сферах, признающих инструмент негодным только потому, что не умеют на нем играть» ;

описаны причины неудачи правительственного проекта – газеты «Русское государство» (положение 7);

зафиксирован процесс реорганизации «Правительственного Вестника» и «Сельского Вестника» (положение 8), однако не определено насколько удачной или неудачной была эта реорганизация;

утверждается, что бюллетени Осведомительного бюро не привели к формированию позитивного мнения о власти и ГУДП «не видело необходимости заниматься формированием положительного общественного мнения и генерировать информационные поводы, выгодные для имиджа верховной власти» (положение 9), что ставит под сомнение саму концепцию диссертанта о

деятельности ГУДП по формированию положительного образа самодержавия и входит в противоречие с утверждением об этапе «понимающей» политики в 1906-1914 гг., когда «приходит понимание, что нужно создавать свое информационное поле, бороться за читательскую аудиторию, противодействовать распространению ложных новостей» (положение 11);

подтверждено появление частных изданий для чиновников как специализированных ведомственных изданий, способствующих консолидации чиновничества и обмену опытом между его представителями (положение 10);

предложена авторская периодизация государственной политики в области формирования общественного мнения (положение 11);

определен «запаздывающий» характер преобразований в сфере периодической печати по отношению к быстро меняющимся условиям существования российского общества (положение 12, которое созвучно положению 6).

Степень достоверности и апробации работы не вызывает сомнений – она выполнена на широком круге исторических источников, как опубликованных, так и архивных, ее положения и выводы представлены в 42 публикациях, в том числе 2 монографиях, докладах на научных конференциях международного и всероссийского уровней.

Структура диссертации логически выдержана и последовательна: от историографии, источников и теоретических основ к анализу конкретных инструментов и механизмов формирования общественного мнения, завершая институциональным анализом деятельности Главного управления по делам печати.

Первая глава диссертации, традиционна для докторских диссертаций – теоретическая – описывает имеющиеся теоретические подходы к изучению истории печати и цензуры, методы исследования и понятийный аппарат. В ней представлены основные работы по изучению дореволюционной периодики (иногда анализ их содержания применительно к теме диссертации подменен кратким аннотированием).

В целом, историографический обзор достаточно подробен и структурирован и демонстрирует хорошее знание автором основной отечественной и зарубежной научной литературы по вопросам общественного мнения и Первой русской революции, государственного аппарата и МВД, правительственной печати начала XX века. Выделены недостаточно изученные аспекты деятельности ГУДП как инструмента формирования общественного мнения, что предоставляет автору широкое поле для исследовательской деятельности.

Источниковая база диссертации репрезентативна и позволяет решить поставленные автором во введении задачи. Как уже отмечалось, не затронутыми остались региональные архивы и периодические издания, что ограничивает возможности сравнительного анализа между ситуацией с формированием общественного мнения в столицах и на местах. Такие материалы могли бы показать, насколько эффективно реализовывались директивы из Петербурга в

провинции, как адаптировалась государственная пропаганда под местные условия, и какую роль в этом процессе играли местные власти и редакторы-издатели.

В изложении теоретической и методологической базы диссертационного исследования основное внимание уделено теории модернизации, структурно-функциональному подходу, истории повседневности, контент-анализу и другим методам, которые придают исследованию междисциплинарный характер. Возможно, было бы уместным обратить внимание на некоторые критические замечания и ограничения в применении описываемых методологических подходов и объяснить почему выбрано именно такое их сочетание, а герменевтический анализ и дискурс-анализ остались за его пределами.

Во второй главе «Средства массовой информации и механизмы формирования общественного мнения в начале XX века», в разделе 2.1. представлена краткая характеристике структуры, направлений и механизмов функционирования российской периодической печати на рубеже XIX-XX вв. как основного инструмента формирования общественного мнения. Автор представляет многоплановую картину развития российской периодики в исследуемый период, типологизируя ее по политическим направлениям (классификация С.Я. Махониной), показывая конкретные примеры деятельности наиболее авторитетных изданий («Московские ведомости», «Гражданин», «Новое время» и т.д.), констатируя слабое развитие на этом фоне правительственной прессы. Отметим, что иной раз обильно приводимые количественные показатели (кол-во изданий по направлениям, ценам, периодичности) даются без их интерпретации.

В разделе 2.2. подробнейшим образом повествуется о жанре скандала как методе формирования общественного мнения. Автор рассматривает один из таких журналистских скандалов – эпизод премьеры пьесы «Контрабандисты» (первоначально «Сыны Израиля») в Малом театре Санкт-Петербурга в ноябре 1900 года, ставший ярким примером того, как средства массовой информации могли манипулировать общественным вниманием, создавая конфликтную повестку вокруг культурного события. Особое внимание уделено тому, как через систему СМИ был создан информационный фон, подготовивший почву для скандала. Показано, как одна из газета («Северный курьер»), используя факты, домыслы и провокационные заголовки, сумела направить внимание общества в нужное русло. Такой подход позволяет говорить о существовании в начале XX века уже достаточно зрелых технологий медийного манипулирования общественным мнением.

Раздел 2.3. посвящён анализу фельетона как одного из инструментов формирования общественного мнения в начале XX века, с акцентом на творчество известного журналиста В. М. Дорошевича. В газетах «Одесский листок» и «Россия» посредством фельетона формировалась негативная оценка отдельных лиц и учреждений. При этом подчеркивается, что такие статьи часто не имели достаточной фактологической базы, но тем не менее оказывали мощное влияние на общественное восприятие. Дорошевич как пример фельетониста выбран удачно: он

был одним из самых ярких и влиятельных фельетонистов своего времени, автором сотен статей, вызывавших как интерес широкой публики, так и недовольство властей, цензурное и административное давление с их стороны. Как и в предыдущем разделе, где скандал вокруг пьесы «Контрабандисты» имел связь с «еврейским вопросом», здесь также можно было бы углубиться в вопрос о том, как воспринималась личность В.М. Дорошевича как еврея в условиях антисемитских настроений, и как это могло повлиять на отношение к нему со стороны власти.

В разделе 2.4. ложная новость (одно из самых распространенных явлений в современной медиапрактике) ретроспективно экстраполируется на содержание дореволюционной периодики. Показано, на примере газеты «Новое время» как возможно было использовать комбинацию достоверных фактов, слухов, предположений и сенсационных заголовков для создания негативного образа государственных институтов, особенно полиции. При этом автор подчеркивает, что читательская доверчивость к публикациям авторитетных изданий позволяла таким материалам оказывать мощное влияние на общественное мнение, несмотря на последующие опровержения. Материал мог цитироваться или полностью воспроизводиться в других изданиях, что способствовало тиражированию подобной «новости» уже даже и после опровержения. Проблема «ложной новости» была осознана государством еще до цифровой эпохи, вопрос же об эффективном противостоянии этому, представляется, так и не вышел за рамки циркуляров ГУДП ГУПД и опровержений. Отметим, что и сама власть могла создавать подобные «новости», (например, в «Правительственном Вестнике или губернских ведомостях») в освещении торжественных официальных мероприятий, используя известные и повторяемые из года в год фразы-клише – «город был иллюминирован», «народ ликовал», «все сословия объединились в чувстве благодарности к монарху», «массы вышли на улицы встречать Его Императорское Величество» и т.д. Через повторяемость и эмоциональную окраску такие фразы закладывали в массовое восприятие идею единства народа и власти, даже если в реальности реакция населения была сдержанной или отсутствовала вовсе.

Отметим, также, что необходимо определить в чем различия между «методом», «способом» и «инструментом» и почему, скажем, скандал это метод, а не способ или инструмент? Или эти понятия синонимичные? Кстати, в разделе о научной новизне исследования фельетон, скандал и ложная новость определены одинаково как механизмы формирования общественного мнения.

В названии третьей главы – «Средства массовой информации как способ формирования общественного мнения в начале XX века» имеет место некоторое дублирование название второй главы – «Средства массовой информации и механизмы формирования общественного мнения в конце XIX – начале XX века». При формировании общественного мнения частными либеральными и официальными (а также официозными) консервативными изданиями (о чем идет речь в третьей главе) могут быть использованы все «механизмы» (скандал, фельетон, ложная новость), о которых автор рассказывает во второй главе, приводя

соответствующие примеры. Возможно, если тема диссертации посвящена деятельности именно МВД по формированию общественного мнения имело бы смысл больше внимания уделить именно правительственным и официозным изданиям, а также праворадикальным, но частным изданиям («Русское знамя», «Колокол», «Земщина» и другие).

В разделе 3.1. «Вклад частных либеральных изданий в формирование общественного мнения в начале XX века» исследовательской находкой можно считать анализ такого малоизученного механизма формирования общественного мнения в начале XX века как «политический банкет» – инфоповод для последующей информационной кампании в печати. Достоинство раздела – рассмотрение политического банкета как самостоятельного инструмента воздействия на общественное мнение. В отечественной историографии эта форма активности чаще всего упоминается вскользь, как часть более широких протестных политических движений. Здесь же она выделена в отдельный объект исследования и рассмотрена во всей своей полноте: от организации до информационного сопровождения. Показательно было бы сравнить эти мероприятия с аналогичными европейскими политическими банкетами во Франции и Англии (как писал Гюстав Флобер «Какая кухня! Какие вина! И какие речи!»).

В разделе 3.2. «Правительственные издания Министерства внутренних дел в борьбе за общественное мнение» подробно рассмотрены два центральных издания Российской империи – «Правительственный вестник» и «Сельский вестник». Автор предлагает читателю обширный фактический материал, касающийся организационной структуры, финансового положения, редакционной политики, тиражей, содержания и роли этих изданий в системе государственной печати. Подробно рассмотрены бюджет, доходы, расходы, штаты сотрудников, затраты на печать и рассылку. Это дает возможность понять, насколько эффективно использовались государственные средства и какие проблемы возникали в процессе финансирования. Отдельная заслуга автора – попытка понять как редакторы и авторы адаптировали язык, стиль и содержание материалов под восприятие основной массы населения – малограмотной и неграмотной (воспринимавших газеты «на слух») части населения. Пожалуй, агрегирование фактов, описательность текста, неожиданные переходы от одного сюжета к другому (обусловленные источниковым материалом) могли бы уступить большее место аналитике, чтобы дать ответ на вопрос об эффективности государственной прессы в достижении своих идеологических целей.

Раздел 3.3. «Правительственные и частные средства массовой информации о государственных служащих в 1906–1914 гг.» посвящён анализу деятельности профессиональной периодической печати, ориентированной на государственных служащих Российской империи. Основное внимание уделено частным изданиям, таким как журналы «Спутник чиновника», «Почтово-телеграфное эхо» и «Газета чиновника», а также их взаимодействию с правительственными структурами, особенно Главным управлением почт и телеграфов Министерства внутренних дел.

Это малоизученный сегмент дореволюционной журналистики, который в данном разделе рассмотрен подробно как самостоятельный объект исследования. Показано, как такого рода издания пытались выполнять посреднические функции, организовывать диалог, собирать запросы и предлагать решения, защищать профессиональные и экономические интересы чиновничества, выступать в роли информационных площадок для их самоорганизации.

Не раскрытым остался вопрос о феноменальном тираже в 100 тыс. экз. для разового выпуска первого номера газеты «Чиновник». В чем причины и, главное, финансовые источники такой «промоакции»? и почему данный проект не был продолжен?

Не совсем четко проведены различия между этими специализированными журналами и их общим отличием от другой профессиональной периодики (врачей, учителей, инженеров, земских деятелей и т.д.). Насколько эффективно могли действовать эти журналы в организации корпоративной деятельности чиновников (подача петиций, коллективных жалоб, материальная взаимопомощь и т.д.).

В конечном итоге, если издания для чиновников способствовали не укреплению власти и ее вертикали, а напротив, ее дискредитации и расшатыванию «изнутри», то можно ли говорить о том, что это сегмент проправительственной периодики?

Глава 4 «Деятельность Главного управления по делам печати по формированию общественного мнения в начале XX века» открывается разделом 4.1. «Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел: структура, кадровый состав, функции». Этот раздел позволяет понять каким образом государство регулировало информационную среду, контролировало печать и управляло сферой СМИ. Особенно значима попытка автора реконструировать не только административную структуру управления, но и показать её практическую эффективность (или неэффективность) в условиях политических и социальных потрясений начала XX века. В тексте подробно рассмотрена динамика структурных изменений управления: от первых отделений в 1878 г. до пяти отделений после отмены предварительной цензуры в 1905–1906 гг. Отдельно выделены такие подразделения, как библиотека повременных изданий, драматическая цензура, отдел иностранной и инородческой печати.

В разделе 4.2 «Деятельность Главного управления по делам печати 1900 – октябрь 1905 гг.» раскрывается роль государственной цензуры в управлении общественным мнением и контроле за средствами массовой информации в предреволюционный и революционный период Российской империи. Особую ценность представляет анализ всеподданнейших докладов министров внутренних дел Д.С. Сипягина, В.К. Плеве, П.Д. Святополк-Мирского, А.Г. Булыгина, которые позволяют проследить эволюцию подходов к цензурной политике и взаимодействию с общественностью. Хотя, в принципе, при столь различных личностях министров, они воспроизводили одинаковые формы управления

прессой: закрытие нежелательных изданий, предоставление субсидий лояльным органам, проведение разъяснительной работы с редакторами.

Подготовка и празднование 100-летнего юбилея МВД автор оценивает с современной точки зрения как своеобразную PR-акцию, чтобы сформировать позитивный образ этого учреждения как для внутренних его «пользователей» – чиновников МВД, так и для внешних – подданных Российской империи и периодической печати. В то же время низкие продажи исторического очерка свидетельствовало о небольшой эффективности этой «медиастратегии». Отметим, что в 1902 г. другие министерства также отмечали свои юбилеи, что могло создавать определенную «информационную конкуренцию» внутри государственной системы.

Раздел 4.3 повествует о газете МВД «Русское государство», описаны не только содержательные обстоятельства функционирования газеты, но и ее повседневные практики – найм сотрудников, печать, организация подписки и розничной торговли, различные бухгалтерские операции и т.д. Автор показывает, как создание «Русского государства» было частью более масштабной попытки модернизации правительственной прессы, связанной с именами С.Ю. Витте, А.Н. Гурьева и других чиновников.

В разделе 4.4 показана деятельность Осведомительного бюро ГУПД – первой специализированной структуры по «производству информации», ее сбору и анализу целью влияния на общественное мнение. Детально воспроизведены структура и функции Осведомительного бюро, представлены интересные и живые сюжеты о внутрислужебных проблемах и конфликтах. Некоторые данные приведены описательно без дальнейшего анализа. Например, цифры о количестве опровержений, объеме выпускаемых бюллетеней, реакциях на них не всегда интерпретируются в контексте их значения для эффективности государственной политики.

Раздел 4.5 посвящен государственному контролю за системой и организацией сбыта периодических изданий, с акцентом на институциональные и административные практики ГУДП и полицейских органов. Автор рассматривает различные аспекты дистрибуции – от розничной торговли и разносчиков до железнодорожных киосков и почтовых льгот. Вывод о том, что сложившаяся система дистрибуции не могла оперативно реагировать на быстрые социально-политические изменения важен для понимания причин неудач правительства на информационных полях сражений с оппозиционной и нелегальной печатью.

В Заключение представлены основные выводы, сделанные диссертантом, которые соответствуют выводам по главам и положениям, выносимым на защиту.

В целом, диссертация Е.Н. Крыловой представляет собой завершенное исследование и является самостоятельной научной квалификационной работой, выполненной на высоком профессиональном уровне, вносящей существенный вклад в изучение истории дореволюционной российской государственности и ее периодической печати. Полученные автором научные результаты обладают

научной новизной. Высказанные в отзыве замечания не носят принципиального характера и не могут повлиять на высокую положительную оценку диссертационной работы. Результаты исследования апробированы на всероссийских и международных конференциях, представлены в авторских публикациях, включая 19 статей опубликованных в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ. Автореферат диссертации отражает содержание и основные положения исследования.

Положения диссертации соответствуют паспорту специальности 5.6.1 – Отечественная история в следующих областях исследования:

пункт 3. Социально-экономическая политика Российского государства и ее реализация на различных этапах его развития.

пункт 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов.

пункт 6. История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития.

пункт 16. История российских революций.

пункт 17. Личность в российской истории, ее персоналии.

пункт 24. История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения.

Таким образом, диссертация Елены Николаевны Крыловой «Деятельность Министерства внутренних дел по формированию общественного мнения о власти в России в конце XIX – начале XX вв.» отвечает требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук по пп. 9, 10, 11, 13, 14 Положения о порядке присуждения ученых степеней от 24 сентября 2013 г. № 842 (с изменениями и дополнениями в действующей редакции), а ее автор, Крылова Елена Николаевна, заслуживает присвоения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

ШЕВЦОВ ВЯЧЕСЛАВ ВЕНИАМИНОВИЧ

02.09.2025

Доктор исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история (диплом: серия ДНД № 000082, приказ ВАК Министерства образования и науки РФ от 10 ноября 2014 г. № 631/нк-2).

Профессор по специальности «Отечественная история» (аттестат серия ПРФ № 001061, приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 8 декабря 2021 г. № 1312/нк-1).

Профессор кафедры российской истории федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Почтовый адрес: РФ, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Телефон: 83822729836

Адрес электронной почты: totleben@yandex.ru

Согласен на обработку моих персональных данных

Е.В. Луков

02.09.2025

